

0-776946

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

МАСЛОВА
Алина Юрьевна

КОММУНИКАТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ
ПОБУДИТЕЛЬНОСТИ
И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ
(на материале сербского и болгарского языков
в сопоставлении с русским)

Специальности 10.02.03 – славянские языки
10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2009

Работа выполнена на кафедре славянской филологии
факультета филологии и искусств
Санкт-Петербургского государственного университета

Научный консультант:	доктор филологических наук, доцент <i>Иванова Елена Юрьевна</i>
Официальные оппоненты:	доктор филологических наук, доцент <i>Тяпко Галина Георгиевна</i>
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ 0000556114	доктор филологических наук, профессор <i>Супрун Василий Иванович</i> доктор филологических наук, профессор <i>Трубинский Валентин Иванович</i>
Ведущая организация:	ГОУВПО «Томский государственный университет»

Защита состоится «11» июня 2009 г. в 16 часов на заседании совета Д.212.232.18 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт-Петербургском государственном университете по адресу: 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11, ауд. 195.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета (199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9).

Автореферат разослан «25» апреля 2009 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

Д.В. Руднев

Общая характеристика работы

Диссертационное исследование представляет собой комплексный анализ категории побудительности (на материале русского, сербского и болгарского языков), позволяющий позиционировать ее как коммуникативно-семантическую категорию.

Осмысление языка с точки зрения его главного предназначения предполагает изучение языковых явлений в коммуникативно-прагматическом аспекте. Коммуникативно-прагматический подход обеспечивает стратегию исследования онтологических и функциональных свойств языковых единиц, составляющих их прагматическую ценность в разных актах коммуникации. Изучение побудительных коммуникативных актов как яркой иллюстрации возможностей речевого воздействия в родственных славянских языках, анализ отношений между говорящими и используемыми в их речи языковыми знаками играют значительную роль при исследовании языка в действии. Адекватная интерпретация побудительных высказываний в большей мере зависит от условий и разнообразных характеристик коммуникативной ситуации.

Сопоставительные исследования в этой области обеспечивают возможность обращения как к широким гуманитарным проблемам (взаимоотношение языка и культуры, языка и национального сознания и др.), так и к выявлению типологической языковой специфики, связанной и с разными ареальными воздействиями, и с географическими факторами, и с историческими судьбами южнославянских и восточнославянских языков.

Решению этих проблем способствует анализ тончайших отличительных черт между языками, проявляющихся более рельефно при изучении родственных языков. Ориентиром для сопоставительных изысканий в данной работе послужили актуальные идеи В. Матезиуса о культурной специфике лингвоментального взаимодействия, обуславливающей выбор языковых средств: «Каждый язык, воспринимая действительность по-своему, оформляет ее в соответствии со своей собственной системой знаков. Поэтому каждый язык весьма оригинален в отражении действительности и содержит в себе немало особенностей, которые нельзя воспроизвести на каком-либо другом языке» [Матезиус, 1967]. Интерес представляет сопоставление и близкородственных сербского и болгарского южнославянских языков, поскольку болгарский язык с большой представленностью аналитических форм занимает особое место среди других славянских языков.

Актуальность данного исследования обусловлена:

- осознанием современной языковой личностью значимости своего речевого поведения и его организации с целью эффективного воздействия на партнера по коммуникации. Прагмалингвистические механизмы такого воздействия наглядно реализуются в рамках категории побудительности в разнообразных коммуникативных ситуациях;
- неоднозначностью терминологической репрезентации категории побудительности в научной литературе;

- необходимостью представить системное, последовательное описание структурных компонентов категории побудительности, обеспечивающих специфику ее реализации в определенных коммуникативных ситуациях и выбор языковых средств, наиболее эффективно реализующих побудительную интенцию, заданную адресантом;

- перспективностью комплексного интегрированного подхода к исследованию категории побудительности, предполагающего привлечение инструментария коммуникативной лингвистики, функциональной грамматики, прагматической лингвистики, лингвокультурологии.

Целью исследования является комплексный сопоставительный анализ категории побудительности, средств и способов ее реализации в южнославянских сербском и болгарском языках на фоне восточнославянского русского языка на базе коммуникативно-прагматического и функционально-семантического подходов.

Для достижения цели необходимо решить следующие задачи:

- исследовав теоретические основы и концепции побудительности в свете традиционных и новых научных направлений языкознания, установить и обосновать статус категории побудительности как коммуникативно-семантической категории;

- охарактеризовать структуру категории побудительности как трехуровневую модель иерархического построения (план содержания, план трансляции, план выражения);

- описать план содержания категории побудительности, исходя из того, что коммуникативная составляющая является вершиной иерархического структурирования рассматриваемой категории;

- исследовать в сопоставительном аспекте эксплицитную и имплицитную реализацию субплана прескрипции как содержательного компонента категории побудительности в русском, сербском и болгарском языках;

- проанализировать системную организацию плана трансляции категории побудительности, обеспечивающую функционирование языковых единиц, выражающих побудительное значение;

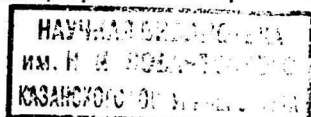
- определить и описать в сопоставительном аспекте ядерные и периферийные репрезентации побудительной интенции в русском, сербском и болгарском языках;

- выявить сходства и различия в структурной организации и функционировании компонентов категории побудительности в родственных славянских и близкородственных южнославянских языках.

Объект исследования – побудительные высказывания* в русском, серб-

---

* В исследовании под *высказыванием* понимается основная единица речевого общения (равновеликая предложению), характеризующаяся относительной самостоятельностью, законченностью, возможностью актуального членения и включающая в себя коммуникативно-модальный аспект, интонацию (в устном варианте) и различные невербальные средства общения [Гак, 1998].

ском и болгарском языках; коммуникативно-семантические группы (далее КСГ) как компоненты системно-структурной организации категории побудительности; языковые средства выражения побудительного значения в сопоставляемых языках.

Предмет исследования – коммуникативно-прагматические механизмы, обуславливающие реализацию побудительной интенции в русском, сербском и болгарском языках; антропологическая сущность языковых структур, их амбивалентные отношения к другим элементам высказывания и к участникам коммуникативной ситуации в рамках соответствующего ей речевого акта (далее РА).

Теоретической основой исследования послужили классические труды основателей теории РА (Дж. Серля, Дж. Остина, Г. Грайса, Дж. Лича); идеи и концепции отечественных лингвистов, развивающих коммуникативно, прагматически и функционально ориентированные направления современной науки (Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, В.В. Богданова, А.В. Бондарко, Г.А. Золотовой, Е.В. Падучевой, И.А. Стернина, Н.И. Формановской, А.Г. Широковой); труды ученых, уделявших серьезное внимание изучению непосредственно побудительной семантики (М.Г. Безяевой, Л.А. Бирюлина, А.П. Володина, А.И. Изотова, В.С. Храковского); труды зарубежных славистов, исследовавших отдельные аспекты выражения побуждения на материале славянских языков, в том числе и в сопоставительном аспекте (сербских лингвистов: Д. Войводица, М. Личен, Д. Мирич, П. Пипера, Б. Тошовича; болгарских лингвистов: А. Николовой, Р. Ницоловой, С. Петковой, К. Чаковой).

Комплексное сопоставительное исследование требует многоаспектного интегрированного подхода, что обеспечивается использованием следующих **методов**: описательного метода; сопоставительного метода; системно-структурного метода, способствующего учету закономерных связей между частями лингвистического объекта; функционального метода, позволяющего выявить функциональную значимость исследуемых языковых единиц, их семантический потенциал; методов семантико-прагматического и коммуникативного анализа, которые выявляют специфику прагматических факторов, обуславливающих выбор определенных языковых средств для реализации побудительной интенции. При анализе фактического материала фрагментарно были использованы трансформационный метод и метод дистрибутивного и компонентного анализа.

Материалом для исследования послужили произведения художественной литературы (преимущественно писателей XX века). Для анализа взяты произведения сербских, болгарских писателей и их переводы на русский язык; произведения русских писателей и переводы, выполненные сербскими и болгарскими авторами. В целях сопоставления используются разные переводы одного и того же произведения в рамках одного языка и переводы одного и того же произведения на разные языки, в частности на сербский и болгарский.

Общий корпус примеров составил немногим более 12000 употреблений. Приемом сплошной выборки извлечено 1500 примеров из источников на сербском языке и 1480 примеров из их переводов на русский язык; 1350 примеров

из источников на русском языке и 1450 примеров из соответствующих переводов на сербский язык; 1400 примеров из источников на болгарском языке и 1450 примеров из их переводов на русский язык; 1370 примеров из источников на русском языке и 1300 примеров из соответствующих переводов на болгарский язык. В картотеку также включены извлечения только из оригинальных источников: примерно по 300 употреблений на русском, сербском, болгарском языках. В качестве дополнения к картотеке использовались данные словарей, разговорников современных сербского и болгарского языков, примеры из учебной и научной лингвистической литературы, в которой затрагивается изучаемая проблема, приводятся наблюдения автора над устной речью. Привлекался материал из Интернет-источников.

Научная новизна работы состоит в следующем:

- несмотря на активный интерес, проявляемый к изучению побудительного значения, впервые проведен комплексный сопоставительный анализ категории побудительности в рамках коммуникативно-прагматического и функционально-семантического подходов на материале родственных и близкородственных славянских языков;
- при рассмотрении категории побудительности как многоаспектного явления впервые обосновывается ее статус как коммуникативно-семантической;
- ранее не проводились исследования по выявлению в сопоставительном аспекте специфики плана содержания категории побудительности, в частности субплана прескрипции на материале близкородственных южнославянских (сербского и болгарского) и родственного восточнославянского языков;
- разработаны классификации имплицитных способов выражения побудительного значения в сопоставительном аспекте;
- при анализе побудительных косвенных речевых актов впервые дается семантико-прагматическая характеристика паремий в сопоставительном аспекте, репрезентирующих жанровую специфику непрямого выражения побуждения.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что полученные результаты вносят терминологическую определенность в изучение явления побудительности; систематизируют анализ способов и средств выражения побудительности в типичных коммуникативных ситуациях; способствуют формированию и дальнейшей разработке положений сопоставительной прагмалингвистики; коммуникативно-прагматический подход к сопоставительному описанию близкородственных языков демонстрирует новые возможности исследования грамматики сопоставляемых языков. Отдельные выводы работы, позволяющие показать взаимосвязь между структурой, семантикой и прагматикой побудительных высказываний родственных языков, вносят определенный вклад и в сопоставительную лингвистику славянских языков.

Практическая значимость видится в возможности использования подобного сопоставительного исследования для создания эффективной методики преподавания рассматриваемых языков в инославянской среде. Его материалы

и результаты могут быть применены в курсах практической грамматики сербского и болгарского языков, в курсе русского языка как иностранного, при составлении спецкурсов по прагмалингвистике, коммуникативной грамматике, по теории и практике перевода, поскольку сопоставление является основой перевода, который обязан быть прагматически ценным. Методические разработки на основе материалов и результатов исследования будут способствовать формированию коммуникативной компетенции и избежанию коммуникативных неудач в процессе межкультурной коммуникации.

Апробация результатов исследования. Результаты работы нашли отражение в 63 научных публикациях автора (монографии, учебном пособии, научных статьях, материалах конференций), в том числе в 8 изданиях, рекомендованных ВАК. Основные положения диссертации были представлены в докладах на международной научной конференции «Славистические чтения памяти профессора П.А. Дмитриева и профессора Г.И. Сафронова» в СПбГУ (2001, 2003, 2004, 2005), на международных научных конференциях в Москве (2001), в Нижнем Новгороде (2001), в Ростове н/Дону (2003), в Казани (2004), в Щецине (Польша) (2004), в Волгограде (2007); на всероссийских научно-практических конференциях в Казани (2001), Саранске (2007); на международных симпозиумах МАПРЯЛ в Белграде (2000, 2004); на X Конгрессе МАПРЯЛ в Санкт-Петербурге (2003), на XI Конгрессе МАПРЯЛ в Варне (2007), на II Международном конгрессе исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» в Москве (2004), на I Конгрессе РОПРЯЛ в Санкт-Петербурге (2008). Результаты исследования учитываются в разработанном и читаемом автором спецкурсе «Введение в прагмалингвистику».

На защиту выносятся следующие положения:

- Категория побудительности располагает необходимыми признаками, чтобы быть признанной коммуникативно-семантической.
- Структура категории побудительности представлена как трехплановое единство: план содержания, план трансляции, план выражения. План содержания структурируется коммуникативно-прагматической и семантической составляющими. Коммуникативно-прагматическая включает субпланы: референтов, акта речи, прескрипции, пропозиции, пресуппозиции, перлокуции. План трансляции представлен полевой организацией языковых средств, передающих побудительное значение; план выражения – фонологической и интонационной или графической составляющими.
- Организующим компонентом коммуникативно-прагматической составляющей плана содержания категории побудительности является субплан прескрипции. Он представлен категориальными ситуациями (далее КС): директивной, комиссивной, превентивной, – которые в свою очередь объединяют КСГ – акты побуждения, реализующие определенные прагматические значения. Интенциональная репрезентация КСГ носит дискуссионный характер и позволяет выявить несовпадения в семантико-прагматическом картировании актов побуждения в русском, сербском и болгарском языках.

- При сопоставлении реализации категории побудительности основные отличия выявляются на языковом уровне как в организации ядерных средств выражения побудительного значения, так и их периферийной зоны.

- Сопоставительный аспект оправдан не только при выявлении языковых сходств и различий в выборе лексических, грамматических и других средств языка, но и при исследовании коммуникативного плана, когда внимание фокусируется на различиях в ценностных суждениях, в стандартах приемлемости отдельных тем в процессе общения. В связи с этим четко прослеживается явление прагматической синонимии и прагматической эквивалентности.

Структура работы. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка источников фактического материала и сокращений, библиографического списка, насчитывающего 418 единиц, и пяти приложений.

Основное содержание работы

Во введении обосновывается актуальность работы, указываются предмет и объект диссертационного исследования, раскрываются его цели и задачи, характеризуются методы исследования и использованный фактический материал, определяются научная новизна, теоретическая и практическая значимость, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

В этой части работы конформативное описание категории побудительности предваряется некоторыми наблюдениями о специфике и тенденциях сопоставительных исследований в славистике, а также о целесообразности использования коммуникативно-прагматического подхода к объекту научного описания.

В первой главе «Категория побудительности как коммуникативно-семантический и прагматический феномен» комментируется статус исследуемой категории и рассматривается ее структура.

При учете философского и логического аспектов определения *категории* явление побудительности закономерно приобретает статус категории, обобщающей специфический способ отражения действительности: через побуждение объекта к действию [Левус, 1986]. В разделе 1.1 на основе анализа фактического материала и изучения современных концепций побудительности обосновывается статус категории побудительности как коммуникативно-семантической, обладающей соответствующими категориальными признаками. При этом учитывается, что в современной теории речевой коммуникации пока нет однозначного понимания коммуникативной категории, не выработаны принципы их выделения и не определен исчерпывающий набор коммуникативных категорий. Под коммуникативными категориями понимаются «самые общие коммуникативные понятия, упорядочивающие знания человека об общении и нормах его осуществления» [Стернин, 2002]. Коммуникативные категории участвуют в организации и регулировании коммуникативного процесса, имеют определенную структуру, собственное коммуникативное содержание, набор разноуровневых языковых, речевых и невербальных средств для выражения этого содержания.

Универсальность и многоаспектность категории побудительности делает проблематичным и дискуссионным определение ее статуса. Считая правомерным отнесение категории побудительности к коммуникативно-семантическим, автор исходит из того, что реализация категории осуществляется посредством иерархически организованных и взаимодействующих коммуникативных, прагматических и собственно лингвистических факторов.

Коммуникативная составляющая категории побудительности базируется на том, что побуждение – неотъемлемая часть речевого общения. Как компоненты выявляются информационная и прескрипционная составляющие.

Прагматическая составляющая категории побудительности предполагает учет коммуникативных средств в отношении к человеку, а именно: что происходит с человеком, когда от него исходит сообщение или он принимает его; от чего зависит форма коммуникации в каждом конкретном случае; в какой мере тип культуры обуславливает форму коммуникации. В рамках прагматической составляющей категории побудительности концентрируется внимание на коммуникативной ситуации и цели, с которой происходит побуждение к действию.

Языковая составляющая категории побудительности представлена совокупностью разноуровневых языковых средств, выражающих побудительное значение и организованных по принципу *функционально-семантического поля* согласно положениям функциональной грамматики.

Категориальным основанием для побудительности выступает категориальный смысл побуждения, который не только так или иначе представлен в речи, но и является принадлежностью строя языка, формируя комплекс грамматических единиц. *Общекатегориальная семантика* складывается из набора значений отдельных КСГ, каждая из которых имеет коммуникативное содержание, обусловленное прежде всего коммуникативной побудительной целью. *Категориальное множество* – это множество КСГ; категоризация проводится по семантико-прагматическому принципу, что позволяет выявить КС. *Категориальный принцип системной организации* – иерархический, репрезентирующий взаимодействие коммуникативных, прагматических, семантических и собственно языковых факторов.

В разделе 1.2 рассматривается структура категории побудительности, представленная иерархически организованным трехплановым единством: планом содержания, планом трансляции и планом выражения.

План содержания – это суть категории побудительности, воплощение целевого аспекта процесса общения. Компоненты коммуникативно-прагматической составляющей плана содержания, выступающего в сложном контексте связей и зависимостей акта общения, раскрываются «из анализа взаимодействия исходной ситуации, действия говорящего, оперирующего языковыми средствами, действия слушающего по восприятию и пониманию речевого акта, предметно-практического действия слушающего, направленного на достижение цели, поставленной говорящим, и конечного положения дел, результирующей ситуации» [Сусов, 1988].

Теория РА как база прагматических исследований [Грайс, 1985; Остин, 1986; Серль, 1986; Серль, Вандервекен, 1986] дает основания выделить субпланы содержательной составляющей категории побудительности: субплан референтов, акта речи, прескрипции, пропозиции, пресуппозиции, перлокуции.

Таким образом, план содержания структурируется коммуникативно-прагматической и семантической составляющими. Субплан прескрипции как стержневой компонент коммуникативно-прагматической составляющей категории побудительности отражает сложность интенциональной организации побудительного высказывания и позволяет систематизировать разнообразие побудительных интенций. Систематизация проводится на уровне КСГ, которые в зависимости от реализуемой интенции объединяются в КС директивного, комиссивного и превентивного типов.

Сопоставительный анализ набора КСГ позволяет выявить несовпадения в семантико-прагматическом картировании КС в русском, сербском и болгарском языках.

План трансляции осуществляет связь между планом содержания и планом выражения категории побудительности, кодируя интенцию РА коммуникантов посредством языковых знаков. Этот план представлен полевой организацией средств языка, выражающих побудительное значение. Объединяясь на основе общности и взаимодействия семантических функций, разноуровневые языковые средства структурируются как функционально-семантическое поле. Связи между компонентами, их взаимодействия представляют собой конкретные языковые явления.

План выражения – это совокупность фонетических, супrasegmentных средств языка (интонация, тембр, громкость, скорость речи, паузация, молчание, придыхания и др.) и невербальных знаков коммуникации, которые могут сопровождать устную речь или функционировать самостоятельно, являясь коммуникативными знаками. В письменной речи категория побудительности репрезентируется посредством графики или средств интерпретирующего контекста. Исследование плана выражения требует специальных методов, соответствующей экспериментальной базы и не входит в задачи реферируемого исследования.

Вторая глава «План содержания коммуникативно-семантической категории побудительности в русском, сербском и болгарском языках. Структура и эксплицитная реализация субплана прескрипции как содержательного компонента категории» посвящена сопоставительному анализу КСГ, в которых реализуется побудительная интенция определенного типа, и выявлению наиболее типичных языковых средств ее выражения. КСГ, понимаемые как «совокупность коммуникативных стереотипов с одним интенциональным значением» [Формановская, 2002], формируют КС директивного, комиссивного и превентивного типа, которые структурируют субплан прескрипции.

Сопоставление состава и реализации КСГ в родственных русском, сербском и болгарском языках позволяет уточнить структуру плана содержания категории побудительности в рассматриваемых славянских языках и выявить специфику ее коммуникативно-прагматической составляющей.

Директивная КС (раздел 2.1) с позиций теории РА характеризуется как *адресатноиниципирующая*. В рамках директивной КС различаются информационно-побудительные и неинформационно-побудительные ситуации, выражающие директивную цель прескриптора – побудить (не)совершить действие.

В *информационно-побудительной ситуации* в сопоставляемых языках прескриптор имеет цель побудить к выдаче информации. Это вопросы, запросы, интервьюирования. Запрос информации может сочетаться с эксплицитно выраженным побуждением в форме императива *скажи(те)* / *кажи(те)* / *кажи(кажете)*. В таком случае директивная интенция является вторичной, вспомогательной: – *Тебе куды надо-то? Ты скажи!* – *спросил опять один из них.* – *Мне в Можайск (Толстой).* – *А каков вы хотите? Онет је ћутала. Ја сам готово шапутао: – Кажите каков хотите! (Лазаревић).* – *Сядай и казvaj какво си чул!* – *рече тој, като пръв седна на един стол (Ангелов).*

Может быть создана особая побудительная ситуация посредством императивов глаголов речи, употребляемых не в рогативной функции: – *Страшно было? <...> – Скажи, что страшно, – тихо посоветовал Трофимов (Токарева).* – *Живот си ми упропастио! Живот си ми уништио, барабо једна! – Шта сам ти урадио? – упита је Црни као да је није добро чуо. – Марко, молим те... Реци му...(Ковачевић).* <...> *протегна ръка зад гърба и разроши косата и. – Майко ма! Кажси му ма! – провлече Ваня плачливо и го заудря с разтворени длани (Ангелов).* Подобные речевые ситуации, как правило, носят эмотивный характер. Отсутствие при императиве конкретной информации, которую должен передать адресат, и, наоборот, наличие в одном из примеров прямого перформатива *молим / прошу* свидетельствует о том, что говорящего интересует не столько собственно информация, которая будет передана, сколько выполнение речевого действия.

В *неинформационно-побудительной ситуации* прескриптор имеет цель изменить существующее положение вещей. Прескрипция, основанная на приоритете власти или / и социального положения прескриптора, носит категорический характер. Не основанная на приоритете власти или / и социального положения – нейтральный и смягченный. В работе в сопоставительном аспекте подробно рассматриваются акты побуждения и представляющие их КСГ в рамках неинформационно-побудительной ситуации.

Побудительную интенцию категорического директивного типа реализуют следующие КСГ: в русском языке – *приказ, приказание, распоряжение, команда, запрет*; в сербском языке – *наредба, наређење, заповест (заповед), налог, команда, забрана*; в болгарском – *заповед, нареждане, разпореждане, команда, забрана*.

Необходимо отметить, что не все каузативы являются в родственных языках однозначно эквивалентными. Поэтому при описании интенционального плана высказывания следует иметь в виду, что терминологические неточности могут привести к ошибочной трактовке результатов исследования.

Тождественными в русском, сербском и болгарском языках являются каузативы *запрет / забрана / забрана; команда / команда / команда*.

В сербском и болгарском языках наиболее частотными и типичными для характеристики категорического побуждения являются *наређење*, *наредба* и *заповест* (*заповед*) / *заповед*. Но в сопоставляемых языках ситуация различна: в то время как в сербском языке *наредба*, *наређење*, *заповест* (*заповед*) могут употребляться как синонимы, в русском языке между *приказом* и *приказанием* наблюдается отличие (хотя и не всегда последовательно выполняемое) в сферах функционирования. *Приказ* – более официальная форма, обозначающая побуждение, исходящее от официально уполномоченного, тогда как *приказание* по своему значению шире и соприкасается с семантическим полем каузатива *распоряжение*. В болгарском языке каузатив *заповед* соответствует русским *приказу* и *приказанию*. Что касается *распоряжения*, то в болгарском языке существуют понятийные эквиваленты русскому *распоряжению* – *разпореждане*, *разпорежба*. В сербском же языке термин *распоряжение* как таковое отсутствует, заменяясь универсальными *наредба*, *наређење*. Возможно использование каузатива *одлука*, который подчеркивает менее официальный характер побуждения.

По силе воздействия выражаемой интенции к *приказанию* примыкает *требование*. Однако спецификой РА требования является его пограничный характер, поскольку требование обладает семантико-прагматическими признаками директивных РА как категорического, так и смягченного типа. В сербском языке такой двойственный характер нашел отражение в наличии двух каузативов для обозначения этого РА: *захтев* и *тражење* (от *тражити* – упорно просить). Подобная возможность обозначать акт *требования* двояко в русском языке отсутствует. Болгарский каузатив *искане*, наряду с семантикой требования, обозначает желание (но не в значении настойчивого желания, что соответствует категорическому характеру требования, а в чисто оптативном значении). Каузатив *изискване* в большей степени имеет отношение к официальной сфере коммуникации. В связи с этим понятийная двойственность термина может быть прояснена только посредством прагматических характеристик речевой ситуации.

При выявлении наиболее типичных средств выражения побудительной интенции категорического типа в сопоставляемых языках наблюдаются отличия. Спецификой русского языка является выражение категорического побуждения посредством инфинитива. По сравнению с русским языком сербскому языку в меньшей мере свойственно использование инфинитива в подобных ситуациях. Сравним: <...> крикнул матери – *Ужинуај!* (Горький) / ... *razdetao se na tajki*: – *Večeru!* – *He pucaј без команде!* – *командовао је Уча* (Чосић) / – *Без приказа не стрелати!* – *командовао Уча*. Болгарский язык вообще не обладает данной грамматической возможностью.

Явные отличия в русском языке по отношению к сербскому и болгарскому наблюдаются при оформлении *запрета*. Сербский и болгарский языки имеют дублетные возможности отрицания: при помощи частицы *не* в сочетании с императивом и *немој(те)* / *недей(те)* в сочетании с инфинитивом (для сербского языка) или с *да*-конструкцией. Вариант с *немој(те)* в сербском языке считается более мягким и вежливым.

Побудительную интенцию смягченного директивного типа в сопоставляемых языках представляют следующие КСГ: *просьба / молба / молба; мольба / молба, преклиньање / молба; заклинание / заклинъање, преклиньање / заклинание, заклеване*. В сербском и болгарском языках каузатив *молба* имеет более широкий семантический объем, чем в русском языке *просьба*, и включает различные степени интенсивности этого акта побуждения. Так, в официальной сфере *просьба* принимает вид заявления, прошения, что в сопоставляемых южнославянских языках обозначается также *молба* (в болгарском языке наряду с *заявлением*). Кроме того, в болгарском языке это понятие предполагает более интенсивную степень иллокутивного воздействия, обозначаемого в русском языке как *мольба*, а в сербском – *преклиньање*.

Характеризующими прагматическими признаками смягченной разновидности побудительного значения является то, что результат совершаемого исполнителем действия направлен в пользу адресанта (просящего). План трансляции категории побудительности использует средства всех уровней языка, способствующие снижению императивности в целях достижения коммуникативного эффекта. При сопоставлении основные отличия наблюдаются в оформлении конвенциональной вежливой просьбы, реализуемой в косвенных РА (КРА), рассмотрению которых посвящена отдельная глава.

Побудительную интенцию нейтрального директивного типа представляют КСГ, объединяющие акты побуждения, которые характеризуются взаимозависимостью их участников: прескрипция не основана на приоритете власти или / и социального положения прескриптора и не имеет прагматического признака – «результат в пользу прескриптора». Это *предложение / предлог, понуда / предложение; приглашение / позив / покана; совет / совет / съвет; рекомендация / препорука / препоръка; собственно предписание совершить действие / подстицај / подкана*. В сербском языке, в отличие от русского и болгарского, присутствует два обозначения одной интенции – *предлог, понуда*, – что указывает на более дифференцированный тип каузации. РА *понуда*, в отличие от РА *предлог*, в большей степени проявляет готовность адресанта осуществить действие вместе с адресатом [см. Синтаксис, 2005]. Не решенным в терминологическом отношении остается вопрос о номинации наиболее нейтрального типа побуждения. Собственно термин *побуждение* в русском языке применительно к прескрипции, выражающей побуждение к действию, прагматически не нагруженное, когда ни ситуация, ни описывающий ее контекст не предоставляют средств для определенной ее трактовки, является очень обобщенным и требует уточнения. В сербском языке наиболее адекватен термин *подстицај*, в болгарском языке – *подкана*, который, однако, может обозначать и повторное приглашение.

При выражении побудительной интенции нейтрального типа основные отличия проявляются на морфологическом уровне. Так, в русском языке при выражении совета активно функционируют формы сослагательного наклонения, выявляющие ненастойчивый, ненавязчивый характер побуждения. Нередко эти формы используются в сочетании: *хорошо бы / лучше бы + мест. + инфинитив*, собственно *иллокутивный глагол в сослагательном наклонении*.

В сербском языке сослагательное наклонение также функционально активно, однако в болгарском предпочтение отдается использованию других грамматических форм в сочетании с лексико-семантическими маркерами или прагматическими факторами, адекватно передающими ситуацию. Сравним аналогичные ситуации: – *Я бы советовал вам попробовать дыхательную гимнастику йогов (Симонов).* – *На крају бих Вам саветовао и да прочитате ове књиге (разг.).*; – *Боље би било да и твоји синови и сад иду с тобом (Ћосић).* – *Добре ће бде да се прехвърлиш в някоя по-народна гостилничка – посъветва ме Драгомир (Гуляшки).*

В инструкциях, рецептах как разновидностях рекомендаций в русском языке довольно регулярно используется инфинитив, тогда как в сербском и болгарском языках предпочтительнее употребление форм императива или возвратного пассива: *Стручки зеленого сладкого перца обмыть, обрезать верхушки вместе со стеблем и вычистить семена <...> наполнить подготовленным заранее фаршем; Tri omanja plava paradajza <...> dobro se operi, ofsikari im se peteljka, pa se zajedno s korom iseckaju na deblje rezance <...>; Малко прасенце се почиства добре и се осолява отвътре и отвън. Поставя се легнало по корем в тава и се намазва с мас. Пече се в силна фурна.* В русском языке обобщенный характер, как правило, достигается использованием неопределенно-личных конструкций: *Два филтър-пакета помещают в стеклянную или эмалированную посуду, заливают 100 мл кипятка, накрывают и настаивают 15 минут (инстр.).* В болгарском языке, когда сложное действие выполняется по этапам, выстроенным в строгой последовательности, возможно использование индикативных форм презента: *Спасителят ляга по гърди <...> подава едната си ръка на удавника, с друзата се хваща за някой предмет.* Иногда в инструкциях по использованию домашних приборов, хотя и редко, встречается да-конструкция с безличным пассивом, который звучит достаточно категорично: *да се прочете упътването и да се спазва...* [см. Васева, 1991], подобно русско-му инфинитиву.

Взаимодействие партнеров в ситуациях предложения и приглашения в сопоставляемых языках отражается грамматически использованием форм совместного действия. В русском языке это формы 1-го л. мн. ч., включаемые в функциональную императивную парадигму и омонимичные формам индикатива будущего времени, нередко употребляемые с частицами *давай(те)/(-ка)*. В южнославянских языках, как правило, в подобных ситуациях активно функционируют да-конструкции с соответствующими презентными формами 1-го л. мн. ч. В болгарском языке эти формы являются аналитическими членами императивной парадигмы. – *Давай погуляем, – предложил он (Токарева).* – *Да изнесемо касу! <...> Нека виде шта има Прерово (Ћосић).* – *Да го накажем с последно предупреждение – предложи той (Гуляшки).* В сербском языке существуют императивные синтетические формы совместного действия со своими формообразующими суффиксами, однако эти формы, как показывает анализируемый корпус фактического материала, встречаются нечасто.

Таким образом, директивная КС является стержневым структурообразующим элементом коммуникативно-семантической категории побудительности. Она объединяет КСГ, наиболее полно и регулярно выражающие специфику побудительной ситуации.

Комиссионная КС (раздел 2.2) – второй составляющий компонент субплана прескрипции в структуре содержательного плана категории побудительности. В отличие от директивной является *адресантноиницирующей* и объединяет КСГ, в которых адресант преследует цель обязать, склонить предполагаемого исполнителя к своей точке зрения. Это акты побуждения, которые реализуются в таких КСГ, как: *обещание / обећање / обецање* (разновидности в официальной сфере: *гарантия, обязательство*); *уверение / уверење / уверяване; убеждение / убеђивање / убеждаване; уговор / наговарање / уговарање; клятва / заклетва / клетва; угроза / претња / закана*.

В сопоставляемых языках в терминологическом отношении номинация почти всех рассматриваемых РА тождественна, за исключением РА *клятвы*. Семантический объем болгарского каузатива *клетва* больше: в болгарском языке термин *клетва* обозначает одновременно *клятву / заклетву* и *проклятие / клетву, проклетисване*. Подобную ситуацию отчасти отражает и русский язык, в котором лексема *клятва* имеет устаревшее значение проклятия.

Исходя из специфики иллокутивной цели комиссионных РА, отметим, что в плане выражения их особенностью является использование, как правило, не императивных высказываний (что соответствует прямому директиву), а повествовательных. Иллокутивная сила высказывания может быть повышена посредством лексических интенсификаторов: *непреренно, обязательно, всегда, никогда / обавезно, сигурно, увек, никада / непременно, обезателно, задължително, винаги, никога* и др., а также (в случае божбы, клятвы) фразеологизированными выражениями, типа *даю слово, честное слово; мајке ми, часна реч; честна дума* и др.

Часто иллокутивная цель в сопоставляемых языках эксплицируется перформативными глаголами, что также способствует более эффективному воздействию на адресата. При божбе различия проявляются на уровне падежного управления глагола *клясться*. Если в русском языке глагол управляет творительным падежом: *клясться чем, то* в сербском языке реализуется возможность управления и творительным, и винительным падежом: *кунити се чиме* и *кунити се у кога / шта*. В болгарском языке при глаголе *кълна се* реализуется конструкция с предлогом *в*, передающая отношения, тождественные предложно-падежной конструкции с винительным падежом в сербском языке, т. е. южнославянские языки при грамматическом оформлении божбы проявляют частичное сходство: *Нету у меня! Нету, богом клянусь, никогда в руках не держал! (Булгаков). – Кунем вам се у децу... (Ковачевић). – Кълна се в Збелсурд, макар и единорък, ти ще бъдеш моята лява ръка (Гулев).*

В сербском языке, в отличие от русского и болгарского, широко употребительным является грамматическое оформление божбы синтаксически независимой фразеологизированной генетивной конструкцией: существительное в род. пад. + местоименная энклитика *ми*: *части ми, мајке ми, сунца ми* и др. –

Немци су га узели, Црни. Мајке ми – клео се Томислав (Ковачевић). Обратим внимание, что такие же выражения, но с экспликацией 2-го лица: *бога ти, вере ти, деце ти, живота ти, леба ти, мајке ти, очију ти, среће ти* и под. выступают показателями других РА директивного типа – мольбы и заклинания.

Выбор средств выражения в сопоставляемых языках не ограничивается, хотя имеется ряд показателей, которые подчеркивают специфику того или иного значения. Специфика РА, составляющих комиссивную КС, заключается в том, что выражаемое ими побудительное значение вторично. Так или иначе, каждая из ситуаций подразумевает активное воздействие на адресата-исполнителя с целью побудить его поверить адресанту, принять его точку зрения и предпринять соответствующие действия. Если РА не носит характер ярко выраженного официального обязательства, можно утверждать, что обещание, уверение, клятва допускают косвенное директивное прочтение: *обецаю, уверяю, клянусь* предполагают, как минимум, скрытый императив (*по)вер(те) мне.*

Директивно-комиссивная КС угрозы (раздел 2.3). Считаем возможным рассматривать это сложное коммуникативное образование как переходную директивно-комиссивную КС. Наличие комиссивного компонента обуславливает реализацию директивной прескрипции адресанта. Перлокутивный эффект РА во многом зависит от комиссивного компонента высказывания – от отрицательных последствий, которые адресант обещает совершить (или которым обещает содействовать) в случае невыполнения его прескрипции.

В работе на достаточно объемном фактическом материале показана универсальность директивно-комиссивного характера угрозы как конфликтной коммуникативной ситуации в сопоставляемых языках. Выявлены основные модели ее языкового представления. При всем их разнообразии регулярно воспроизводятся три наиболее типичных модели выражения угрозы, аналогично реализуемых в сопоставляемых языках: 1) эксплицитно выраженное требование, [*а (не) то / иначе / иначе*] + обещание негативных последствий: – *Вставай немедленно! Я деньги плачу за твою учебу, вот и будь любезна учиться, а то в дворники пойдешь (Маринина).* – *Треба на време да стигнем куд сам пошао, иначе ће вас идуће ноћи ваше жене са воденичарима да траже низ Мораву! (Ђосић).* – *Не мърдайте! <...> Иначе ще ви гръмнем! (Ангелов);* 2) *если / ако / ако* + имплицитно выраженное требование, [*то*] + обещание негативных последствий: – *И имейте в виду, Григорий Валентинович, если вы не работаете эти деньги, то все, что за последние полгода вы положили себе в карман, будет у вас конфисковано правоохрнительными органами (Маринина).* – *Ако ми сутра не донесете пола милиона, све ћу вас побити! (Ковачевић).* – *Ако намислиш да избягаш и се укриеш, тогава наистина ще умреш (Ангелов);* 3) *еще / још / оше* + имплицитно выраженное требование – (*и*) обещание негативных последствий: – *Еще одно слово – и я швырну в тебя чайник с кипятком, – предупредила Настя (Маринина).* – *Још једна реч и – мртав си! (Ковачевић).* – *Елен, не ме предизвиквай повече! – О, Господинът се заканва,*

ха-ха. – Елен, още една дума... – Ди-ле-тант! <...> – Аах. – Сега вече сме квит, завинаги (Мутафов).

Эмоциональная степень воздействия адресанта более ощутима в сложно-сочиненных и бессоюзных конструкциях, подчеркивающих результативность и быстроту выполнения угрозы: – *Узнаю, кто это сделал, – глаза выколю (Маринина)* – или в сложносочиненных конструкциях с использованием разделительных союзов, создающих ситуацию жесткого выбора: – *Или вы немедленно скажете мне, в чем дело, или я вызываю неотложку (Маринина).* – *Или ногаеш се удади за мене, или ћу те убити (Ковачевић).* <...> *или ще признаеш ей сега, или ще започнем да те бием <...> (Ангелов).*

Прагматический подход к исследованию РА угрозы позволяет выявить широкую речевую вариативность ее выражения в сопоставляемых языках, что достигается посредством КРА в ряде коммуникативных ситуаций, при учете того, что сама коммуникативная ситуация, интонация, мимика, жесты, обстановка, социальное положение участников РА, их взаимоотношения могут достаточно определенно указать, как нужно понимать высказывание.

Превентивная КС (раздел 2.4) выделяется по своей специфике, объединяя предупреждающие, предостерегающие РА, которые реализуются в тех случаях, когда адресант хочет помешать осуществлению нежелательного действия, предупредить адресата.

Как компонент плана содержания категории побудительности превентивные высказывания представляют интерес не столько с точки зрения вышеуказанного доминирующего значения, сколько с точки зрения выраженной в РА прескрипции таким образом *регулировать* поведение будущего исполнителя, следуя которому он смог бы предотвратить нежелательное событие.

Характер превентивной информации неоднороден: напоминание, опасение (апрехенсив), предостережение (адмонитив, собственно превентив). Много-сложность превентивной семантики обуславливает специфику ее трактовки, требующей прагматического подхода и, как следствие, внимания к обстоятельствам реализации РА в сопоставляемых языках.

При сопоставлении различия выявляются в плане языкового выражения. Значение опасения в русском языке репрезентируется полипредикативными конструкциями: конструкцией с союзным средством *как бы не* + глагол СВ в форме прошедшего времени; конструкцией с союзным средством *а то* со значением возможности совершения определенного действия.

В сербском и болгарском языках союзному средству *как бы не* чаще соответствуют конструкции с компонентом *да не би* / *да не би да*: – *Как бы не увидели! (Симонов).* / – *Да не би да ни видят!* – *Нужно је да то учинимо одмах да не би и сами за живота постали прошлост (Интернет-ист.)* / – *Нам нужно это сделать сразу, а то как бы мы сами не стали прошлым.* Конструкции с союзом *а то* соответствуют конструкции с *иначе, у противном случају / иначе, в противен случай*, которые вводят компонент, мотивирующий прескрипцию адресанта: – *Поторопись, а то (не то) опоздаешь (разг.)* / – *Пожури, иначе ћеш закаснити (разг.)* / – *Побързай, иначе ще закъснееш! (разг.).* Конструкции,

выражающие опасение, не являются конвенциональными в языковом отношении, поскольку они способны выражать и предостережение, и угрозу. Первичным для семантически корректной трактовки опасения является приоритет значения возможности, предположения реализации негативного факта, события. Лексически семантика опасения может быть подчеркнута глаголом *боюсь / бојим се / боя се* в главной части.

Значение предостережения в языковом плане в русском языке закреплено за отрицательной конструкцией *не + императив СВ*. В сербском языке соответствием в предостерегающих РА являются конструкции *не + императив СВ* от глаголов психической деятельности, которые не активны функционально; да-конструкции с отрицанием *не / немој(те)*, содержащие глагол наст. вр. СВ: – *Гостинију нашу не замочите (Толстой) / – Немојте да нам салон поквасите*. В болгарском языке значение предостережения выражается да-конструкцией с отрицанием, содержащей глагол СВ; в отличие от других славянских языков в болгарском императив СВ с отрицанием не совместим. Сравним: – *Смотри не упади! (Айтматов)*. – *Поручнице, не заборавите, ја сам овде претставник Врховне команде, а ви сте официр! <...> Ухапсиџу вас за велеиздају! (Ћопић)*. – *Да не чупиш вазата! (разг.)*.

В русском языке при императиве регулярно выступает делексистализованный императив-междометие *смотри(те), гляди(те)*. В сербском и болгарском языках адекватным языковым средством являются императивы *пази / внимавај* (букв. *будь внимателен*), которые не претерпели процесса полной десемантизации и выполняют не только фатическую функцию, но и лексически акцентируют предостерегающую семантику. – *Пазите да не закасите (разг.) / – Смотрите, без опозданий! (разг.)*. – *Внимавај, ей! Точка на глупостите <...> (Гуляшкџи) / – Только смотри: без заскоков!*

Лексические показатели предостережения адекватны в сопоставляемых языках, однако за счет приставочных образований (*поосторожней, поберегись, поостерегись*) и активного функционирования наречий в сравнительной степени грамматическое представление лексем со значением предостережения более разнообразно в русском языке.

Итак, каждый побудительный РА в рамках КС представлен рядом высказываний, образующих КСГ. Именно эта структурная единица является связующим звеном плана содержания и плана трансляции категории побудительности. В определенных КСГ могут четко выделяться ядерные и периферийные зоны выражения той или иной побудительной интенции.

Несмотря на то, что для всех КСГ директивной КС в сопоставляемых языках характерно использование императива как наиболее универсального языкового средства выражения побудительного значения, он не всегда является организующим звеном той или иной КСГ. Так, для категорического типа в русском языке ядерную зону *приказа* представляет инфинитив, в сербском и болгарском языках – да-конструкция. Для нейтрального типа ядерная зона четко представлена в *предложении* совершить действие формами инклюзивного императива: в русском языке синтетического и аналитического типа с частицей *давай(те)*, в сербском языке – также синтетического типа, что довольно редко

по сравнению с использованием да-конструкции с презентом 1-го л. мн. ч. В болгарском языке – аналитическими членами императивной парадигмы *да + презент 1-го л. мн. ч.* Для смягченного типа организующим компонентом КСГ являются перформативы, эксплицирующие интенцию и тем самым подчеркивающие прагматический признак зависимости адресанта от адресата.

В КСГ комиссивного типа ядерная зона образована перформативами, поскольку важным является не столько внимание к каузируемому действию, сколько готовность говорящего взять на себя ответственность за его протекание. При этом в русском языке отмечается более частотная экспликация перформатива по сравнению с сербским и болгарским языками.

В КСГ превентивного типа ядерная зона представлена синтаксическими конструкциями, которые можно квалифицировать как языковые конвенции. В русском языке *как бы не + глагол в форме СВ прошедшего времени / инфинитив* – для предостережения; *смотри(те) / гляди(те) не + глагол СВ* – для предупреждения. В сербском языке и болгарском языках – да-конструкции с отрицанием.

КСГ угрозы в сопоставляемых языках репрезентирует КС директивно-комиссивного типа. Ядерной зоной является конструкция, реализующая модель *императив категорического типа, а (не) то + глагол в форме будущего времени*, обозначающий неблагоприятное действие для адресата. Адекватно модель воспроизводится в сербском и болгарском языках, предпочтительно с редукцией союзного средства. Спецификой является невозможность использования перформатива в силу заведомо программируемой ситуации коммуникативной неудачи.

При анализе КСГ в сопоставляемых языках различия наблюдаются в плане языкового выражения. Побудительная ситуация формируется универсальными прагматическими факторами (место, время, статус коммуникантов), что выявляет сходства при моделировании речевой ситуации с определенной интенцией. Однако именно прагматические факторы влияют на выбор способа репрезентации этой интенции – прямой или косвенный, – в чем может проявляться специфика сопоставляемых языков. В связи с этим в третьей главе исследования рассматриваются особенности косвенной реализации интенции в побудительных РА и соответствующих им КСГ высказываний.

Третья глава «Имплицитная реализация субплана прескрипции. Косвенные речевые акты как структурный компонент плана содержания категории побудительности в русском, сербском и болгарском языках» посвящена сопоставительному описанию способов косвенной реализации побудительной интенции.

В разделе 3.1 КРА характеризуются как объект лингвистического исследования и обосновывается целесообразность описания специфики побудительных КРА в соответствии с их иллокутивной целью на материале исследуемых языков.

Раздел 3.2 посвящен анализу коммуникативно-синтаксической специфики побудительных КРА в русском, сербском и болгарском языках. Разнообразие способов реализации КРА и возможность передачи побудительной

риторический характер: – *Что вы стоите?* – закричал Сольц. – *Идите отсюда* (Рыбаков). – *Шта сте се разсаламили!* <...> *Они се мало ухутише* (Тосић). – *Право! Защо спираш, дяволе? Защо задръстваш движението?* (Гуляшки). Такие модели являются эмотивными. Адресант подчеркивает отсутствие причины не совершать действие, сигнализирует о своем эмоциональном состоянии, как правило, негативном (раздражении, недовольстве) и имплицитно побуждает не только совершить действие, но сделать это немедленно.

Вопрос является настолько типизированной формой выражения косвенного побуждения, что может оформлять как конвенциональные, так и контекстуально-ситуативные побудительные КРА, демонстрирующие практически все разновидности интенции побуждения смягченного, нейтрального и категорического типа (от просьбы до угрозы).

Контекстуально-ситуативные КРА просьбы регулярно используют вопросительные конструкции для запроса информации о возможности приобрести (у адресата) интересующий адресанта объект или осуществить адресантом линию поведения, определенные действия, то, в чем он заинтересован. В таких вопросах отсутствует отрицание, которое конвенционализует РА, однако намерение легко распознается адресатом. – *И ночью тоже не приду. Ты за меня бельишко получишь?* – *Хорошо*, – сказал Андрей (Пелевин). – *Да узем митралез?* <...> – *Узми! А ти, Бојана, и ви другови, узмите по три дефанзивне бомбе* (Тосић). – *Имаш ли огън бе, даскале?* – *запита ме той като се изпречи срещу мене*.

КРА предложения использует вопросительные конструкции с личными формами глагола *быть* в будущем времени. Это вопрос о согласии, желании адресата, как правило, что-нибудь есть, пить или, реже, совершить другое действие: – *Проводила, – Маруся зажгла свет, – чай пить будете?* (Рыбаков). – *Хоћете ли кафе?* – *Не, хвала. Журим се* (Ковачевић) – глагол *хтети* совмещает в себе и семантические признаки РА предложения, и грамматические характеристики, выступая вспомогательным глаголом при образовании форм будущего I времени.

В болгарском языке в силу одного способа образования форм будущего времени для глаголов и НСВ, и СВ и отсутствия синтетических форм будущего времени глагол *быть* в будущем времени при реализации предложения не используется. В аналогичных ситуациях регулярно функционируют формы будущего времени смыслового глагола: – *Ще хапнеш ли нещо?* (Ангелов)

Контекстуально-ситуативные КРА с категорической интенцией (требования, запреты, угрозы) также могут оформляться при помощи вопроса. При адресации второму лицу такой вопрос, как правило, не требует ответа (хотя и не исключает его возможности), но содержит категоричную рекомендацию к (немедленному) действию в интересах адресанта: *В дверь постучали* <...> – *Скоро ты там?* (= выходи скорее) – *спросил голос в коридоре*. – *Сейчас*, – сказал Андрей (Пелевин). – *Излази! Шта чекаш!*? (Тосић). – *Какво ме гледаш, какво ме гледаш?* (= нечего смотреть на меня) (Ангелов).

В рамках контекстуально-ситуативных побудительных КРА в форме вопроса могут комбинироваться иллокутивные цели внутри имплицитно выраженной побудительной интенции, например угрозы и просьбы: *Парень вытащил из рукава куртки короткую дубинку, гоготнул. – Мы тебя чуть-чуть покалечим, но не до смерти, лады? (Катериничев).* – *Могу ли нешто да вас замолим?* – *Наравно.* – *Помозите ми да вас не убијем (Ковачевић)* – интенция просьбы вторична, поскольку враждебно настроенному адресанту логически не требуется разрешение адресата совершить неблагоприятное действие. К тому же в данном случае адресант не находится в зависимой позиции от адресата, как того требуют прагматические характеристики РА просьбы. – *А не искаш ли да ти сгрея врата с едни юмрук? (Ангелов)* – совмещаются предложение в форме конвенционального вопроса и угроза. Интенция предложения вторична, поскольку предполагает заведомое несогласие адресата, так как действие направлено не в его пользу. Модальный глагол *искаш / хотеть* в вопросительном предложении реализует подтекст *ты не можешь этого хотеть, поэтому сделай так, как я предписываю*. Подобные РА многослойны и рассчитаны на высокую коммуникативную компетенцию адресата.

В разделе 3.3 рассматриваются побудительные КРА в форме утверждения, которые, в отличие от вопросительных, составляют, главным образом, пласт контекстуально-ситуативных КРА. Часто они представляют собой констатацию фактов, которая, в зависимости от характера интенции, имеет определенные особенности. Выявлены следующие типы констатируемой информации.

- Экспликация адресантом своего неудовлетворительного физического или психологического состояния с целью устранения его причины.

– *У меня но-о-о-о-ски устали!* – *Сейчас кружочек обойдем и домой... Сейчас, сейчас (Толстая).* – *Досадно ми је.* – *Када будем слободан, јавићу се (разг.).* – *Мамо, стискаш ме!* – *извика Колето и издърпа ръката си (Ангелов).*

- Экспликация адресантом своего (не)желания, своих потребностей при отсутствии прямого предписания к действию: – *Я хочу установить местонахождение абонента сотового телефона.* – *К сожалению, сделать ничего нельзя (Катериничев).* – *Желим да узмем своје ствари.* (= *Дайте ми, молим Вас, моје ствари.*) – *Но аз бих искал от тебе една малка услуга (Гуляшки).* (= *Окажи мне одну услугу*). Такие КРА можно отнести к «полукосвенным», так как в них в достаточной степени сохраняется первичное значение.

- Констатация адресантом своей убежденности в том, что ожидаемая линия поведения адресата неоспорима; обычно такой РА статусно маркирован и исходит от лица с более высоким социальным положением: – *Кира, – крикнул Костик, – я твой начальник, а не наоборот! Как я решу. Так все и будет! (Устинова).* (= *Не спорь со мной*). – *Господа не ми, наравно, опростити што не морати причекати 5-6 дана <...> (Капор)* – о том, что это не просьба, свидетельствует лексема *наравно / конечно*, которая подчеркивает уверенность говорящего и отсутствие его заинтересованности в исполнении побуждения. Подобная ситуация выявлена и в болгарском иллюстративном материале (что свидетельствует о ее универсальности): – *Надявам се, че ще имам удоволст-*

нулевая фаза общения, переключая внимание адресата на содержание РА адресанта, ситуативно приобретает оттенки психологического настроя собеседника: – *Слушай, не зли ты Салмона, Бога ради! – зашептала ему Ира (Экслер).* – *Слушай, брато, пустите ви мене да се не гъавимо по срезу <...> (Ћосић).* – *Я слушай! – улови ме за лакътя Цец. – Щеш ли да те заведе при Илијчо, да се посерееш? (Гуляшки).*

В болгарском и сербском языках адекватно императиву *слушай(те)* / *слушај(те)* / *слушай(те)* в нулевой фазе общения функционирует императив *чуј(те)* / *чуй(те)* от глаголов *чути* / *чуя*. Сербский глагол *чути* и болгарский *чувам* менее семантически дифференцированы, чем русские глаголы слухового восприятия: *чути* – слышать, услышать; *слушать*; *чувам* – слышать, слушать (видовая пара – *чуя*: услышать). Они параллельно используются с русским глаголом (по)слушать: – *Я чуйте – каза ми, – хайде да се махаме оттук <...> (Гуляшки)* / – *Послушайте, идемте-ка лучше отсюда. – Слушайте – тя лекичко ме придърпа към себе си, – сериозно ви казвам: не стойте тук (Гуляшки)* / – *Послушайте, – она легонько притянула меня к себе. – Я вам серьезно говорю: уходите отсюда.*

Глагол *слышать* в русском языке также может совмещать побудительную и фатическую интенции. Но в отличие от южнославянских глаголов не используется в форме императива. В разговорной речи глагол *слышишь (слышите)* употребляется для подчеркивания сказанного, настоятельного указания на что-либо: – *Ты слышишь, Пилат? – И тут Каифа грозно поднял руку: – Прислушайся, прокуратор! <...> Ты слышишь, прокуратор? – тихо повторил первосвященник... (Булгаков).* В русском языке возможно использование фонетически редуцированной просторечной формы *слышь(те)*. Она употребляется в речи для привлечения внимания собеседника в значении *послушай-ка*. Это функционально сближает русский глагол *слышать* с сербской и болгарской формами *чуј(те)* / *чуй(те)*. Однако функциональный диапазон слова ограничен сферой просторечия: – *Слышь, чучело, хватит придуливаться, – решительно сказала Ира (Экслер).*

Синкретичным глаголом на фазе временного размыкания или, наоборот, восстановления контакта, сопряженного с активизацией внимания собеседника, являются глаголы *подожди(те)* (*погоди(те)*) / *чекај(те)* / *чакай(те)*. В побудительно-фатической функции этот глагол в определенной степени трансформирует свое значение. Употребляясь в русском языке в СВ и в сопоставляемых языках в НСВ, он не всегда обозначает «не уходи(те), побудь(те) на месте». Чаще основная цель употребления этой формы – временно прервать вербальный контакт, чтобы выразить несогласие или направить общение в русло интересов адресанта: – *Подожди, ты можешь сказать толком, что ты хочешь? (Экслер).* – *Шта је вама, људи? Чекајте да се споразумемо! (Ћосић).* – *Чакай, дай цаба на бригадата! (Стоянов).*

Контактоустанавливающую функцию реализуют и глаголы зрительного восприятия, которые в форме императива *смотри(те)*, *гляди(те)* / *гледај(те)* / *виж(те)* также могут выполнять синкретическую функцию. Эти формы упот-

ребляются для концентрации внимания собеседника, чтобы подчеркнуть значимость последующей прескрипции. Сема, связанная со зрительным восприятием, остается неактуальной, реализуя лишь, условно говоря, свой потенциал в переносном смысле: «смотри, т. е. представь себе ситуацию ясно»: – *Вот смотри*, – сказала Ира. – *Сегодня последний день нашего отдыха, так? (Экслер).* – *Да их немају, то ја желим. Јер, гледај – укаже ти се прилика да побегнеш, а они ту... (Лалић).* – *Виж, ако имаш време... може поне да поговорим... (Рајчевски).*

В сербском и болгарском языках специфичными по отношению к русскому языку являются лексемы *пази* / *пази се* – «будь внимателен», выступающие типичным лексическим средством выражения превентивной ситуации. Однако ее семантический объем очень «удобен» и для совмещения семантически полноценной и фатической информации: и «обрати внимание», и «(по)смотри / услышь», и «отреагируй». Отметим, что речевые ситуации с этим компонентом, выполняющим и фатическую функцию, как регулярно воспроизводимые, были отмечены в сербском фактическом материале: – *Ено их, вјере ми, иду некакви! Пази, пази, кроз онај брезник! (Ћопић).* – *Пази, је л' оно скела? – радостно викну Павле (Ћопић)* – вполне допустима ситуативная замена: *Чекај / слушај, је л' оно скела?* В болгарском языке наблюдались только превентивные конструкции.

В значении вводных компонентов, реализующих нулевую фазу общения, могут выступать и иные лексико-грамматические средства, например глаголы *представь(те)себе*, *представляешь / замисли (само) / представи си*, *въобрази си*; *понимаешь, понимаете (ли) / схватиш, схватате (ли), разумеиш (ли) / разбиращиш (ли)*. Их цель – заинтересовать собеседника, подчеркнуть что-либо. При сопоставлении аналогичных речевых ситуаций в русском, сербском и болгарском языках выявленные языковые средства оказались сходны в функциональном аспекте.

В разделе 3.5 демонстрируется, что специфика побудительных КРА может быть выявлена и на уровне жанра. Высказывания, ограниченные жанровыми рамками (например пословицы, басни, апотропеические тексты), изначально воспринимаются как имплицитно содержащие более широкую информацию, чем та, которая выражена эксплицитно. Сопоставительный анализ русских, сербских и болгарских паремнологических единиц (далее ПЕ) показал, что при адекватной передаче смысла паремии-аналоги обладают разным семантико-прагматическим потенциалом.

В третьей главе последовательно проводится мысль о том, что в сопоставляемых языках имеют место разнообразные способы косвенного выражения побудительной интенции, которые регулярно воспроизводятся в процессе общения. Этот факт обуславливает включение КРА в качестве полноправного компонента в структуру плана содержания категории побудительности, а косвенные побудительные высказывания – в состав КСГ.

В четвертой главе «План трансляции коммуникативно-семантической категории побудительности и его реализация в русском, сербском и болгарском

языках» в рамках функционально-семантического подхода к объекту исследования рассматривается моноцентрическое поле, организующее языковые средства выражения побудительного значения в сопоставляемых языках.

Ядро поля – императивная парадигма, сопоставительный анализ которой позволяет выявить следующие особенности:

- только сербский язык имеет специализированные первичные формы императива для 1-го л. мн. ч. Они свойственны научному стилю сербского языка и широко распространены в специальной литературе;
- только русский язык имеет вторичные синтетические формы императива 1-го л. ед. и мн. ч., созданные на основе форм настоящего и будущего времени индикатива. Аналитические формы 1-го лица также носят вторичный характер и образованы на базе уже вторичных синтетических форм императива 1-го л. ед. ч. + частица *давай(-ка)*, *дай(-ка)*; 1-го л. мн. ч. + частица *давай(те) (-ка)*;
- только в болгарском языке аналитические да-конструкции и сочетания форм индикатива настоящего времени с частицей *нека* для всех лиц включают в состав императивной парадигмы;
- при образовании вторичных аналитических форм в южнославянских языках, в отличие от русского, не задействованы формы индикатива будущего времени.

Формы императива 1-го л. мн. ч. регулярно используются при выражении побудительной интенции нейтрального типа в КСГ предписания (к совместному действию), приглашения, предложения, которая в сербском и болгарском языках более часто выражается при помощи *да-конструкции*: частицы *да* и глагола в форме 1-го л. мн. ч. наст. вр. В русском языке прямым соответствием является сочетание формы совместного действия глагола с частицей *давай(те)*.

Формы императива 2-го л. ед. и мн. ч. универсальны в сопоставляемых языках, участвуют в создании эталонной модели побудительной ситуации и способны выражать побудительную интенцию разных типов в рамках директивной, комиссивной, превентивной КС.

Отличия в функционировании форм 2-го л. императива в русском, сербском и болгарском языках связаны с выбором форм СВ или НСВ в определенной побудительной ситуации. В соответствии с русскими формами НСВ в южнославянских языках в аналогичных ситуациях часто наблюдается использование форм СВ. Императив НСВ со значением «приступить к действию» в южнославянских языках не употребляется. Императив глаголов в фатической функции в южнославянских языках используется, как правило, в форме НСВ, тогда как в русском языке – чаще в форме СВ, но возможен и НСВ. В целом в сербском и болгарском языках явно выражена тенденция к употреблению форм СВ. Формы НСВ более жестко маркированы дистанцией коммуникантов и тоном общения (фамильярный, категоричный, грубый). В целом же глагольные виды в императиве употребляются в соответствии с их общим грамматическим значением.

Формы императива 1-го л. ед. ч. выражают общую идею автопрескрипции, в условиях которой происходит нейтрализация различных типов побудительной интенции. Более последовательно в русском языке такое побудительное значение передается аналитическим способом: конструкциями *дай(те) (-ка) / дай(те) (-ка) + формы 1-го л. ед. ч. буд. вр.; буду(-ка) + инфинитив*. Частица *-ка* способствует передаче дополнительного оттенка внезапно возникшего желания или решения что-либо сделать, возможно, после некоторых колебаний. В сербском, болгарском языках подобная ситуация реализуется посредством аналитических да-конструкций с формами 1-го л. ед. ч. презента, а также сочетанием да-конструкции с частицами *дай(те) / (x)ajде(те)* – в сербском; *дай(те) / дай(те) / хайде* – в болгарском.

Отличие от южнославянских языков в русском языке ситуация автопрескрипции может выражаться синтетически формой глагола СВ 1-го л. ед. ч. буд. вр. при учете соответствующих прагматических факторов и интонации.

Формы 3-го л. ед. и мн. ч. в сочетании с частицами (*пусть / нек(а), да / нека, да*) регулярно используются при выражении всех типов побудительной интенции, когда требуется косвенный перенос прескрипции на лицо, не участвующее в коммуникативном акте побуждения (учитывается и его отсутствие).

В сербском языке частица *да* в сочетании с формами 3-го л. используется менее регулярно, чем с формами 1-го л. ед. ч. или с формами совместного действия. В болгарском языке при выражении побуждения 3-му л. в оригинальных болгарских текстах более часто наблюдаются конструкции с частицей *да*, нежели с *нека*: – *Да върви в комендатурата, там ще му платят (Ангелов) / – Пускай идет в комендатуру, там уплатят*. С прагматической точки зрения *нека*-высказывания в болгарском языке (независимо от лица адресата, на которое указывает глагольная форма) характеризуются мягкой степенью воздействия, поскольку в них заложено стремление адресанта найти поддержку адресата, получить его согласие.

Отрицательные формы императива по-разному функционируют в сопоставляемых языках, что связано с употреблением глагольного вида СВ в императиве с отрицанием возможен в русском и сербском языках, в частности в превентивных высказываниях. В русском языке отрицательный императив СВ имеет более широкую сферу функционирования, если учитывать семантические оттенки предупреждения / предостережения: напоминание о том, чтобы не дошло до осуществления спонтанного действия психического характера; указание, обращение внимания на то, чтобы не осуществилось действие физического характера, которое адресат может проконтролировать, если обратит внимание на неблагоприятные обстоятельства (*не озябни, не упади*). Именно эта семантическая сфера исключается для функционирования отрицательного императива СВ в сербском языке. Употребление **не назеби, *не падни* невозможно. В болгарском языке исключено обозначение предупреждения / предостережения синтетическими отрицательными императивными формами, поскольку существует полный запрет на совмещение значений СВ и императива с отрицанием. Отсутствие такой возможности компенсируется использованием форм СВ в да-конструкциях.

В отличие от русского языка в южнославянских сербском и болгарском языках функционируют перифрастические конструкции, замещающие отрицательный императив. Несмотря на функционирование в адекватных ситуациях, конструкции с *немој(-те)* / *недей(-те)* не являются тождественными ни в семантическом, ни в морфологическом отношении [см. Ивић, 1958]. Различие обусловлено происхождением частиц: в сербском языке – из глагола *моћи*, в болгарском языке – из глагола *дея*. Сохранение лексического значения глаголов *моћи*, *дея* (*дея* не функционирует в современном болгарском языке), о чем свидетельствует самостоятельное функционирование частиц, влияет на иллокутивную силу высказывания с их участием. В сербском языке – это смягченная степень воздействия, поскольку семантика глагола *мочь* предполагает возможность совершения действия. Конструкции с *недей* носят более категоричный характер, так как речь идет о прекращении конкретного действия в момент его совершения. Выступая синонимом императива, *недей* сочетается только с глаголами НСВ, в сербском языке конструкции с *немој* не имеют таких ограничений: – *Долетећу ти. А ти немој да се уплашиш, немој да плачеш, јер највише на свету мрзим сузе (Ћосић).* – *Недейте да играете (разг.).* Необходимо обратить внимание, что и отрицательный императив, и перифрастические конструкции в исследуемых языках используются не только в ситуациях запрета или предупреждения / предостережения.

Периферия поля представлена средствами, которые характеризуются «разряженностью» [Бондарко, 1976] специфических признаков категории побудительности, невысокой функциональной нагрузкой, меньшей степенью специализации, меньшей регулярностью и меньшей употребительностью. Ближнюю периферию составляют морфологические аналоги императива.

Морфологический уровень языка предоставляет инфинитив (кроме болгарского языка), формы изъявительного и сослагательного наклонений, частицы и междометия в качестве как самостоятельных, так и вспомогательных средств выражения побудительного значения.

Формы изъявительного наклонения. В южнославянских языках регулярно и последовательно передают побудительное значение да-конструкции, глагол в которых темпорально ограничен. Наиболее часто в сербском и болгарском языках используется форма презента. Именно конструкция *да + личная форма презента* функционирует параллельно с синтетическими формами императива. Возможно использование форм прошедшего времени (в русском языке), перфекта (в сербском и болгарском языках); плюсквамперфекта (в болгарском языке).

Формы настоящего времени без частиц также могут быть использованы в побудительных высказываниях. Тогда побудительное значение распознается, как правило, посредством интонации и компонентов коммуникативной ситуации. В сербском языке отмечено инклюзивное употребление форм наст. вр. СВ в ситуациях, когда в русском языке используются вторичные синтетические формы императива совместного действия, омонимичные формам простого будущего времени: – *А как ваша фамилия? – Забудем о ней (Булаков) / – А које је ваше презиме? – Заборавимо га.*

Формы наст. вр. 2-го л. в побудительных высказываниях А.В. Бондарко квалифицирует как «настоящее предписание» [см. Бондарко, 2005], подчеркивая специфику их функционирования: – *Ты остаешься за старшего! (разг.) / Ср. Присмотри за младшими! – Быстро моешь руки, обедаешь и идешь учить уроки! (разг.) / Ср. Быстро мой руки, обедай и иди учи уроки!* В сербском и болгарском языках теоретически такое использование форм наст. вр. возможно, но фактический материал не предоставляет примеров для анализа, что говорит о нетипичности подобного употребления. В аналогичных ситуациях предпочтительны формы будущего времени, которые также могут выступать функциональными аналогами императива.

Формы будущего времени (в сербском языке – будущего I) 2-го л. ед., мн. ч. в побудительных высказываниях обладают достаточно высокой категоричностью и используются для выражения директивного значения соответствующего типа (приказа, требования, распоряжения): – *Илија, ти ћеш с нама (Ћосић) / – Илья, пойдешь с нами. – Но ти сега ще дојдеш с мене в града (Гуляшки) / – Но ты-то отправишься сейчас со мной в город.* В болгарском языке эти формы на шкале возрастающих градационных отношений занимают последнюю позицию по выражению иллокутивной силы. Сравним: *Да бяхте ми помогнали! Помогнете ми! Да ми помогнете! Ще ми помогнете!* Формы будущего времени могут функционировать и в коммуникативной ситуации, в которой неуместна категорическая прескрипция. Тогда они выражают учтивое побуждение, подчеркивая его настоятельный характер: если это требование, то оно тяготеет к настоятельной просьбе: – *Учитель, онај без ноге, наш је човек. Потражићеш га (Лалић) / – Учитель тот безногий – наш человек. Ты с ним свяжешься. – Ако ти трябвам за неџо, ще ме търсиш при Илиича, тъй да знаш (Гуляшки) / – Ежели зачем понадобится, имей в виду, ищи меня у Илиича.*

Побудительное директивное значение в русском, сербском и болгарском языках может оформляться при помощи **форм прошедшего времени**. В сербском языке в строго императивном значении может употребляться только перфект, как правило, с частицей *да* перед вспомогательным глаголом: – *Еј, ти, трапавко! Сутра пре зоре да си дошао! (Ћосић).* – *Да се нико није помакао – огорчено је викао Павле (Ћосић).* В болгарском языке так же, как и в сербском, формы перфекта в сочетании с частицей *да* выражают категорический директив, нередко с оттенком грубости. Но если в сербском языке посредством рассматриваемых конструкций выражается и положительное, и отрицательное побуждение, то в болгарском языке такие конструкции используются только в отрицательных высказываниях: – *Да не си посмјала да откажеш, че те пребивам! (Топалов).*

В русском языке южнославянским конструкциям с перфектом соответствуют конструкции с частицей *чтоб*: – *За сат да си довеао доктора! (Ћосић) / – И чтобы через час привез доктора!* Возможно функционирование форм прошедшего времени и без частицы. Однако в таком случае можно наблюдать иллокутивный сдвиг: высказывание с частицей *чтоб* нацелено на безоговорочное получение перлокутивного эффекта; высказывание без частицы смещает акцент на характер действия адресата, а именно: требуется немедленное испол-

нение, внимание сосредоточено на процессе. Поэтому обычно вводится дополнительный ситуативный маркер, указывающий на незамедлительный характер требования: *быстро, сейчас же, сразу* и т. п. Сравним бытовые речевые ситуации: – *Не раскидывай игрушки. И чтоб убрал все за собой!* – *Сейчас же убрал все за собой. Быстро!*

Более категоричным средством в русском языке является инфинитив. Формы инфинитива глагола выражают резкие безапелляционные предписания действовать по сравнению с более нейтральными и универсальными формами императива. В сербском языке также возможно, хотя и не предпочтительно использование форм инфинитива, болгарский язык лишен такой возможности.

В отличие от русского и сербского языков в болгарском формы плюсквамперфекта в сочетании с частицей *да* также способны выражать побуждение, однако смягченного типа: – *Да беше се преселил у нас, а?* (Гуляшки) / – *Переселяй-ка к нам, а?* Эти формы отчасти компенсируют функционально ограниченные формы сослагательного наклонения, которые довольно активно употребляются в побудительных высказываниях в русском и сербском языках. Сравним: – *Да ты бы спал. Не наговорился, что ли?..* (Симонов) / – *А ти да беше поспал. Не се ли наприказва, а?..*

Формы сослагательного наклонения. По сравнению с русским и сербским языками в болгарском отмечается крайне редкое использование форм сослагательного наклонения со значением побуждения в различных бытовых ситуациях. Эти формы сохранили оттенок высокой степени учтивости. Чрезвычайно вежливым или официально этикетным формам *Бих...* соответствуют более естественные для разговорного языка формы будущего времени: – *Все пак ще ханна малко. Като че ли взех да огладнявам* (Ангелов) / – *Я бы перекусил немножко. Как будто уже проголодался* – косвенная просьба накрыть на стол. – *Я бы просил разрешить повернуть эту идею как следует* (Симонов) / – *Ще моля да ми се разреши да огледам тази идея от всички страни, както трябва...*

В отличие от южнославянских языков русский язык располагает еще одной возможностью выразить побудительное значение с оттенком необходимости, а именно инфинитивом в сочетании с частицей *бы*: – *Поговорить бы тебе с профессором!* (разг.) / – *Добро би било да поразговараш са професором! Требало би да поразговараш с професором* (разг.). – *А защо не вложиш част от парите си в някое търговско предприятие?* (Гуляшки) / – *Почему бы тебе не вложить часть своих денег в какое-нибудь торговое предприятие?*

Безличные конструкции. В сопоставляемых языках при непрямом выражении побудительного значения достаточно четко выявляются РА побуждения с оттенком необходимости, неизбежности, долженствования. Значение необходимости, потребности регулярно маркируется модальными словами *надо, надобно, нужно, необходимо / неопходно, потребно / нужно, необходимо*; безличными глаголами *стоит, следует, придется / валя, вреди, треба / наложи се, (по)трябва, бива* (с отрицанием). В сербском языке указанное значение передается и посредством личных форм глагола *морати*. Оттенок долженствования, обязательности придает побудительному высказыванию в русском языке

модальное слово *должно* (чаще употребляется краткое прилагательное *должен* в составе сказуемого), чему в сербском языке соответствуют личные формы глагола *морати*, безличное употребление глаголов *треба*, *има*; в болгарском языке, как правило, глагол *трябва*. Поскольку в русском языке рассматриваемые слова сочетаются с инфинитивом, в таких конструкциях часто имеет место дополнение в форме дательного падежа (*нам нужно*, *им следует*, *вам необходимо*). Южнославянские сопоставляемые языки при отсутствии лексически выраженного подлежащего не располагают подобной возможностью (за исключением самостоятельного употребления глагола *треба* / *трябва*: *Треба му помоћ* / *Трябва му помощ*).

В побудительных высказываниях подобного типа в сербском и болгарском языках функционируют конструкции, в которых личный глагол употреблен в значении безличного в форме 3-го л. ед. ч с возвратной клитикой *се*, что соответствует русским неопределенно-личным конструкциям. В таком случае позиция семантического субъекта стерта, высказывание приобретает генерализованный характер: *Здесь не курят*. / *Овде се не пуши*. / *По тревата не се ходи*. Такие конструкции квалифицируются как конструкции субъектного имперсонала [см. Плунгян, 2003; Градинарова, 2007] и достаточно распространены в сербском и болгарском языках.

Частицы и междометия, входя в структуру побудительных высказываний, в значительной степени определяют модально-экспрессивную направленность побуждения. Любой подход к описанию частиц показывает, что передаваемая ими информация пересекается с иллюкутивной. При сопоставлении регулярными функциональными аналогами частицы и междометия *давай(те)*, *айда(те)* выступают частицы: в сербском языке – *хајде* (-мо, -те), *'ајде* (-мо, -те), *ајмо* – как фонетические варианты частицы *хајде* (-мо, -те); в болгарском языке – *хајде*. Используя в сочетании с да-конструкцией, содержащей презент 1-го л. мн. ч., частицы *хајде*(-мо, -те) / *хајде* функционируют аналогично аналитическим формам совместного действия в русском языке. Однако в сербском и болгарском языках они не образуют аналитических форм, а выполняют усиленную функцию: – *Хајде да запалимо по једну* (Гуляшки) / – *Давай закурим по одной*. – *Хајде да впрегнем една шејна* (Гуляшки) / – *Давай заложим сани*. Рассматриваемые частицы употребляются в сочетании с формами императива, также выполняя усиленную функцию: – *Хајд' сједи, не бој се* (Гуляшки) / – *Давай садись, не бойся*. – *Хајде, радвай се!* (Гуляшки) / – *Наслаждайся, радуйся!*; могут функционировать и самостоятельно. Подобно русскому междометию *айда* (которому южнославянские частицы близки фонетически), они могут обозначать побуждение к движению. Как правило, именно в этом значении проявляются структурные особенности сербской частицы, которая имеет возможность функционировать подобно глаголу, присоединяя личные окончания.

Достаточно часто наблюдаются функциональные параллели: в русском языке использование частиц – *ну* (*ну-ка*, *ну-ну*, *а ну*, *а ну-ка*); в сербском языке – *де* и ее модификаций (*дед*, *деде*, *дер*, *дера*, *дедер*, *дела*, *дех*; для 2-го л. мн. ч. возможны варианты *дете*, *делате*, *дедерте*); наиболее употребительны варианты *де*, *деде*, *дедер*. Основное значение – побуждение начать (активно)

действовать: ... и зовну прстои уплашеног Пепу: – *Дођиде, кнеже (Ђокић)*. – *Де ти, де, иди змији на руну, кад си луд (Ђокић)*. ... *наже се напред а руке подметну: – Деде! <...> Она поче поливати (Лазаревић)*. В болгарском языке – *де, я, хай, ха: – Махни се оттам де! (Ангелов)*. – *Я елате с мен! (Ангелов)*. – *Хай върви си, че си посинял! (Гуляшки)*. – *Ха сега мини по главната улица (Гуляшки)*.

Одна и та же частица оказывается способной передать несколько коммуникативных линий одновременно. Например, частица *же* не имеет собственного аналога в сербском языке. Это объясняется и тем, что *же* обладает индивидуальным значением, не сводимым к особой эмоциональной окраске [Храковский, 1988]. Это значение дополняет и уточняет значение императивной формы. В сербском языке в подобных ситуациях функционируют частицы *ама, та, ма*, акцентируя внимание, скорее, на ожидаемости совершения действия, нежели на настойчивости. Подобный семантический синкретизм наблюдается и у болгарской частицы *де*. Выступая более регулярно в качестве аналога русской частицы *же*: – *Кажете де! – настоя та като хвана Витка за ръката (Ангелов)* / – *Отвечай же! – настаивала она, хватая за руку Виту*. – она может усиливать компонент напоминания: – *Махни се оттам де! – подвикна Иван на жена си <...> (Ангелов)* / – *Да отойди ты оттуда! – прикрикнул хозяин на жену; усиливать компоненты и настойчивости, и напоминания, соотвествуя модальному комплексу да...же: – Чакай де! Там направихме много хубава сбирка (Ангелов)* / – *Да погоди же! Мы там устроили замечательное собрание*.

Русскому модальному комплексу (или его отдельным компонентам) могут соответствовать и другие частицы в южнославянских языках, которые способны передавать те же семантические оттенки. В сербском языке следует отметить частицу *на*, в болгарском языке – частицы *ха, бе*. Болгарская частица *бе* служит в первую очередь для обращения к мужчинам, но может способствовать и выражению побуждения с оттенком настойчивости, нетерпения, что в большей степени отвечает употреблению русской частицы *же*: – *Чакай бе, другарю Дамов, ти като че за свата бързаш! (Гуляшки)* / – *Да подожди же, товарищ Дамов! Ты что, на свадьбу торопишься?*

Для усиления иллюкативного эффекта, наряду с частицами *ну, да, же*, в русском языке используется частица *уж*. Наиболее распространенным толкованием ее значения является указание на смягчение просьбы за счет того, что частица *уж* в побудительных высказываниях указывает на признание говорящим авторитета адресата или на зависимость от адресата. Частица не находит регулярных соответствий, и при переводе используются те средства языка, которые наиболее точно отражают исходную ситуацию: – *Так уж ты бы пожалел мать-то, а? (Горький)* / ... *а ти би ваљда могао да пожалиш мајку, а? – Да, уж ты не забудь, помяни меня, сына звездочета, – просил во сне Пилат (Булгаков)* / – *Да, моля те, не забравяй да споменеш и мене, сина на звездоброеца – моление го в съня си Пилат*.

Семантически частицы в достаточной степени размыты. Некоторые из них омонимичны междометиям или имеют спорный морфологический статус, о чем свидетельствует их лексикографическое описание в словарях. Полифунк-

циональность частиц, диффузность их семантики, совмещение синонимии и индивидуальной специфики объясняют зависимость их значения от прагматического контекста и способность объединяться в коммуникативные комплексы, которые легко возникают, легко видоизменяются, распадаются [см. Русская грамматика, 1980; Николаева, 1985]. Регулярным межъязыковым эквивалентом для сербского и болгарского языков выступает комплекс *хајде де* / *хайде де* в значении побуждения к активному действию или в значении согласия, поддержки говорящего: – *Хајде-де, јуначи се!* (Топић). – *Изтръскај го (костюм), заминавам за София... Хайде де!* (Ангелов). Наблюдается сочетание усилительных частиц или междометий с собственно побудительными частицами, например *я стига, бе стига, хайде холан* – в болгарском языке; *хайде море* – в сербском: – *Хајде море, уђи слободно! Неће те нико ујести* (Лазаревић). – *Я стига!* (Ангелов). – *Бе стига с тия мъже!* (Гуляшки). – *Хайде холан! – махна с ръка Пантелей* (Гуляшки). Могут объединяться собственно усилительные частицы / междометия, подобно русским *а ну (-ка), ну и*. Так, в болгарском языке регулярно наблюдаются комплексы с частицей *бе*, подчеркивающим обращение настоятельного характера: – *Я бе, Исайчо, стани да и правиш дружинка, страх я е жената* (Гуляшки).

В целом в родственных языках практически не наблюдается эквивалентов, функциональные аналоги отличаются частотностью и ситуативной регулярностью употребления, степенью грамматикализации, обладают различной способностью входить в сложные коммуникативные комплексы. Одна и та же частица / междометие проявляет способность передавать одновременно несколько коммуникативных значений. Не случайно эти единицы языка наделяются статусом коммуникативных частей речи [см. Златев, 2004; Бакърджиева, 1998].

Лексико-грамматические языковые средства, выражающие побуждение, – это перформативные глаголы, четко определяющие иллокутивную функцию высказывания и обеспечивающие адекватное однозначное его восприятие адресатом. Однако они не являются грамматически специализированным средством для выражения только побудительного значения, поэтому, в отличие от императива, перформативные глаголы – это дополнительное средство языкового выражения побудительности.

В сопоставляемых языках иллокутивный объем перформативных глаголов не всегда совпадает. Так, сербск. *наређивати* менее дифференцировано по сравнению с русским и болгарским глаголами и объединяет семы приказа и распоряжения; болгарский и сербский глаголы *молити* / *моля (се)* являются менее дифференцированными по отношению к русскому *молить*, объединяя семы и просьбы, и мольбы; возвратные глаголы *молиться* / *молити се* в русском и сербском языке семантически более узки по сравнению с болгарским, так как специализированы, как правило, для РА-обращения к высшим силам; смешанный иллокутивный характер требования наиболее дифференцирован в южнославянских языках. В ситуации категорического побуждения могут использоваться более нейтральные лексемы с компонентом «желаю»: *тражити* / *искам* – букв. *просить, хотеть*, и более категоричные с компонентом «должен»:

захтевати / изисквам, тогда как в русском языке адекватно функционирует в ситуациях разного типа глагол *требовать*.

В грамматическом отношении наблюдаются некоторые различия в падежной валентности сопоставляемых перформативных глаголов: сербский и болгарский глаголы *саветујем / съветвам*, в отличие от русского, управляют винительным падежом (в сербском возможно сочетание и с дат. пад.); сербские глаголы *опомињем те (вас), подсећам те (вас)* сочетаются с местоимениями в винительном падеже, в отличие от русского / болгарского глаголов *напомињаю тебе (вам) / напомним ти (ви)*, реализующих валентность с дательным падежом. Однако, как правило, перформативные глаголы функционируют без реализации их формально-объектной валентности.

В южнославянских языках при перформативных глаголах для указания на адресата используются краткие формы личных местоимений, в русском имеются только полные формы.

В русском языке, в отличие от сербского и болгарского, в качестве функционального эквивалента перформатива у ряда глаголов используется форма будущего простого времени (перфективного презента) глагола *просить* в РА: *Я вас попрошу* в значении *Я вас прошу*. В южнославянских языках глагол СВ в форме презента не может иметь значение действия, осуществляемого в момент речи.

Лексический уровень имеет следующие возможности выражения побудительного значения в сопоставляемых языках:

- иллокутивные глаголы в интерпретирующем контексте, как правило, способные к перформативному употреблению. Цель использования – пояснение типа побудительной интенции в письменной речи;

- лексемы или группы лексем, семантика которых предполагает прагматическую характеристику побудительной интенции той или иной КСГ. **Директивный смягченный тип** – зависимость адресанта от адресата: *прошу / молим / моля; прости(те) / опрости(те) / прости (простете); разреши(те), позволь(те) / дозволи(те), допусти(те) / позволи (позволете), разреши (разрешете); сохрани(те) / сачувај(те) / (за)пази ((за)пазете); помоги(те) / помози(те) / помогни (помогнете)* и подобные, выражения *ради Бога, ради Христа / ако за Бога знаш, Бога ради, за Бога, за име Христа / за Бога и подобные. Директивный нейтральный тип* (предписание): *подожди(те), погоди(те) / чекај(те) / чакай(те)* в фатической функции. **Директивный категорический тип** (прекращение намерения или уже начавшегося действия, запрет, требование): *брось(те), перестань(те), прекрати(те), оставь(те) / пусти(те), престани(те), окани(те) се, остави(те) се / остави (оставете), прекрати (прекратете), престани (престанете)*; в зависимости от синтаксического контекста – модальные слова или частицы *довольно, достаточно, полно, хватит, будет / доста, довольно / достатъчно, стига*. Отчетливо выделяется группа эмоционально окрашенных лексем, выражающих категоричное требование удалиться. Как правило, это слова просторечного или разговорного характера: *капн(те)сь,*

исчезни(те), проваливай(те), сгинь(те), убирайся (тесть) / бежи(те) (из)зуби(те) се, одмакни(те) се / махни (махнете) се, пръждосвай(те) се;

- лексемы как «индикаторы» соответствующей КСГ: **предложение** – *попробуй(те) / покушай(те), пробай(те) / пробвай(те), опитай(те); предложение (войти, явиться куда-либо)* – *пройдите, проходите / уйи(те), пређи(те) /, влизай(те), влез(те); пойдем(те) / хайде(мо) / хайде и др.; приглашение (к разговору)* – *сади(те)сь, сядь(те), присаживайся(тесть) / седи(те), изволи(те) сести / седни (седнете), сядай(те); тост* – *выпьем / испијмо, да испијемо / да изпием, ще пием; разрешение* – *можно, можеш (можете) / може, можеш (можете) / може, можеш (можете); убеждение* – частотны контактные глаголы, употребляемые с целью концентрации внимания адресата: *(по)слушай(те), пойми(те), поверь(те) / чуј(те), слушај(те), размисли(те), веруј(те) / чуји(те), (по)слушай(те), помисли (помислете), (по)варвай(те); предостережение* – *смотри(те), гляди(те), берегись (берегитесь), осторожно, внимание / пази(те), чувај(те) се, опрезно, пажьа / пази (пазете) (се), варда, внимание;*

- контактные лексемы в аппеллятивной или фатической функции (цель – установление или продолжение контакта): *(по)слушай(те), (по)гляди(те), (по)смотри(те), подожди(те), представь(те) (себе) / слушај(те), чуј(те), види(те), (по)гледај(те), замисли(те) / (по)слушай(те), чуји(те), виж(те), чакай(те), представи (представете) си, въобрази (въобразете) си;*

- лексема *знать / знам / зная* в специфической иллокутивной функции «сообщение адресату собственных знаний» [Апресян, 1988].

Фразеологические сочетания, являясь экспрессивным средством выражения побудительного значения в рассматриваемых языках, также могут выступать функциональными аналогами императива. При сопоставлении наблюдается:

- использование фразеологизмов – межъязыковых эквивалентов: – *Остави ме на миру, рече он (Лалић) / – Оставь меня в покое, – бросает он. – Господа, оставите на мира тоя момък, той не е съмнителен (Гуляшки) / – Господа, оставьте этого юношу в покое, он вне подозрений!*

- использование фразеологизмов – межъязыковых эквивалентов в двух языках наряду с фразеологизмами – аналогами (за неимением эквивалента) и свободными сочетаниями слов в третьем языке: *Одмах се испречи: «Гледај своја посла!» (Палевић). – Гледайте си работата! (Гулев);*

- использование фразеологизмов – аналогов: – *Не терај шегу. (Ћосић) / – Не валяй дурака; – Я вам не доктор, не валяйте дурака! (Семенов) / – Аз не съм доктор, не се правете на глупак!*

Используя фразеологизмы, говорящий задействует частные прагматические функции высказывания: функцию привлечения внимания адресата и функцию акцентуации коммуникативно значимых элементов.

Особую группу составляют устойчивые сочетания со значением речевого воздействия, включающие в качестве компонента номинацию интенции, о которой идет речь: *давать (дать) совет, клятву, обещание / давати (дати) совет, заклетву, обећање / давам (дам) съвет, клетва, обещание; (от)давать*

(отдать) приказ / издавати (издати) наредбу / давам (дам) заповед, (от)давать (отдать) распоряжение / давати (дати) упуства / ср. разпореждам се. Они лишены экспрессивности. Их прагматическая функция заключается в побуждении адресата воздействовать словом в соответствии с обозначенной иллокутивной целью (*Дай мне совет. Отдай приказ* и т. п.) или в побуждении адресата выполнять действия в рамках эксплицитно выраженной иллокуции (*Он отдал приказ: «Всем по местам! Огонь!»*).

Синтаксический уровень также обладает своими средствами для оформления побудительной ситуации, которые функционируют главным образом аналогично в рассматриваемых языках. Наблюдение за функционированием синтаксических средств позволило констатировать следующее.

- В сербском и болгарском языках присутствие местоименного подлежащего несет большую смысловую нагрузку по сравнению с русским, поскольку его отсутствие при личной форме глагола-сказуемого является нормой.

- Обращение в побудительных высказываниях в сопоставляемых языках выполняет апеллятивную, фатическую, социально-регламентирующую, эмоционально-экспрессивную функции. В русском языке, в отличие от сербского и болгарского, социально-регламентирующую функцию обращения в побудительных высказываниях регулярно выполняют нейтральные слова, заменяющие кодифицированные обращения (*женщина, девушка, мужчина, молодой человек*). Отличительную особенность русской речевой культуры представляет и «типично русская» форма обращения по имени и отчеству. В южнославянских языках при обращении используются формы вокатива, которые утрачены русским языком. Отсутствие звательной формы русский язык может компенсировать с помощью усечения окончания, удвоения (*Петь, Свет; Тань, а Тань!*).

- В сопоставляемых языках побудительный повтор, представленный во всех КС, выступает как средство выражения эмоционально-волевой и эмоционально-оценочной реакции участника коммуникативной ситуации на событие. Выделяются собственно побудительный и оценочный повторы. В дистрибутивном отношении наблюдаются повторы в синтаксическом единстве, в реплике одного говорящего; в диалогическом единстве при смене говорящих; одновременно и в синтаксическом, и в диалогическом единствах. По структуре повторы могут быть полными и частичными. В сопоставительном плане отличия не выявлены, поскольку использование повторов во многом обусловлено прагматическими факторами, носящими универсальный характер.

- Неполные двусоставные и односоставные предложения как функциональные аналоги императива наблюдаются во всех сопоставляемых языках, оформляя побудительную ситуацию в условиях дефицита времени. Главным образом, это выражение директивной интенции категорического типа, в первую очередь команды. Коммуникативный эффект достигается путем обозначения и актуализации одного из компонентов побудительной ситуации.

- Сложные предложения с побудительной семантикой в сопоставляемых языках могут быть однофункциональными и разнофункциональными. Выявлены следующие модели сложных предложений: *императив + императив*;

императив + индикатив, императив + сослагательное наклонение. Последняя модель представляет структурно-семантические отличия сложных южнославянских конструкций по отношению к русским. Южнославянские сложные предложения с союзным средством *да* при сопоставлении с русским языком в большей степени проявляют континуальные свойства и по характеру выражаемого побуждения более близки однофункциональным побудительным высказываниям.

- В сопоставляемых языках побудительная интенция, как правило, непрямого характера, выражается посредством вопросительных и утвердительных предложений. Для этих целей используются и общие, и специальные вопросы. В русском языке общие вопросы не носят конвенциональный характер и приобретают значение побуждения только в контексте. В сербском языке в качестве конвенциональных вежливых вопросов-просьб регулярно употребляются общие вопросы с глаголом в будущем I времени. В болгарском языке подобные вопросы со вспомогательным компонентом *ще* для образования формы будущего времени также квалифицируются как вопросы-просьбы, но, в отличие от сербского языка, они проявляют меньшую степень вежливости и деликатности. Специальные вопросы и утверждения, в частности констатации, информирующие адресата, как правило, о намерении говорящего совершить то или иное действие или о факте, процессе его совершения, универсально используются в качестве побудительных КРА в сопоставляемых языках.

В заключении представлены выводы в соответствии с задачами исследования и положениями, выносимыми на защиту.

Основные положения диссертации отражены, в частности, в следующих работах автора.

Статьи в ведущих рецензируемых научных изданиях:

Специфика коммуникативных неудач в речевой ситуации угрозы / А.Ю. Маслова // Филологические науки. – 2004. – № 3. – С. 75–84. – 0,5 п.л.

Семантико-прагматическая характеристика паремий со значением волеизъявления / А.Ю. Маслова // Вестник СПбГУ. – Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2005. – Вып. 1. – С. 83–87. – 0,3 п.л.

Специфика косвенного выражения побуждения / А.Ю. Маслова // Филологические науки. – 2007. – № 6. – С. 51–59. – 0,4 п.л.

О состоянии и перспективах сопоставительных исследований в славистике / А.Ю. Маслова // Вестник СПбГУ. – Сер. 9. Филология. Востоковедение. – 2007. – Вып. 3. Ч. 2. – С. 184–187. – 0,2 п.л.

Вопрос в значении побуждения / А.Ю. Маслова // Русская словесность. – 2007. – № 5. – С. 46–53. – 0,6 п.л.

К вопросу о специфике категории побудительности / А.Ю. Маслова // Вестник СПбГУ. – Сер. 9. Филология. Востоковедение. – 2008. – Вып. 3. Ч. 1. – С. 62–67. – 0,4 п.л.

К вопросу о сопоставительной прагмалингвистике (на примере речевой ситуации автопрескрипции) / А.Ю. Маслова // Вестник ТГУ. – Томск, 2008. – № 314. – С. 22–26. – 0,5 п.л.

О семантико-прагматической роли служебных слов в побудительном высказывании (фрагмент сопоставительного исследования) / А.Ю. Маслова // Вестник СПбГУ. – Сер. 9. Филология. Востоковедение. – 2008. – Вып. 4. Ч. 2. – С. 161–167. – 0,4 п.л.

Монография, учебное пособие и статьи в прочих изданиях:

Коммуникативно-семантическая категория побудительности и ее реализация в сербском и болгарском языках на фоне русского языка. Опыт сопоставительного исследования / А.Ю. Маслова. – Саранск : Изд-во Морд. ун-та, 2008. – 246 с. – 14, 9 п.л.

Введение в прагмалингвистику : учеб. пособие / А.Ю. Маслова. – М. : Флинта ; Наука, 2007. – 152 с. – 9,3 п.л.

Коммуникема как компонент процесса общения / А.Ю. Маслова // Коммуникативное поведение славянских народов. Русские, сербы, чехи, словаки, поляки. – Воронеж : «ИСТОКИ», 2004. – Вып. 19. – С. 53–70. – 0,4 п.л.

К вопросу о коммуникативно-прагматической фразеологии в сопоставительном аспекте / А.Ю. Маслова // VI Славистические чтения памяти проф. П.А. Дмитриева и проф. Г.И. Сафронова. Материалы межд. конф. 9-11 сентября 2005. – СПб : Филологический факультет СПбГУ, 2004. – С. 111–115. – 0,3 п.л.

Семантико-прагматичке особине говорног чина претње / А. Маслова // Когнитивнолингвистичка проучавања српског језика / Уред. П. Пипер. – Београд : САНУ, 2006. – С. 143–161. – 1,2 п.л.

Конвенциональные речевые акты со значением побуждения (на материале славянских языков в сопоставительном аспекте) / А.Ю. Маслова // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов : мат. второй междунар. науч. конф., г. Волгоград, 24–26 апр. 2007 г. : в 2 т. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2007. – Т. 1. – С. 780–786. – 0,4 п.л.

Конвенциональные косвенные директивы в форме вопроса (на материале русского и сербского языков) / А.Ю. Маслова // Коммуникативное поведение / Redakcja naukowa: L. Szpilewicz, I. Stermin. – Warszawa: Instytut Rusycystyki Uniwersytetu Warszawskiego, 2007. – Вып. 28 : Коммуникативное поведение славянских народов (русские, украинцы, белорусы, поляки, сербы). – С. 139–147. – 0,5 п.л.

К проблематике исследования категории побудительности в славянских языках / А.Ю. Маслова // Acta Linguistica. – Sofia : Eurasia Academic Publishers, 2007. – Т. 1. – N 1 (2007). – С. 33–41. – 0,5 п.л.

Семантико-прагматичке особине индиректног изражавања императивности / А. Маслова // Семантичка проучавања српског језика / Уред. М. Радовановић, П. Пипер. – Београд : САНУ, 2008. – С. 257–265. – 0,5 п.л.

Всего по теме диссертации опубликованы 63 работы общим объемом 40 п.л.

Подписано в печать 12.03.09. Объем 2,5 п. л.
Тираж 130 экз. Заказ № 346.
Типография Издательства Мордовского университета
430005, г. Саранск, ул. Советская, 24

$$10 =$$